

Борис Морозов, приятель Челентано

*Кроме кистей и красок у него
есть новенький грузовик*

Дело, впрочем, не в грузовике... Усть-таловский художник Борис Филиппович Морозов умеет и любит работать.

После армии руководил лыжной секцией в поселке. Воспитанники становились чемпионами. Организовал детскую изостудию "Ласточка". Морозовские птенцы снова были первыми. Многие выросли и стали профессиональными художниками. Сегодня у Морозова кооператив, "Радугой" называется. По его эскизам оформлено около десятка интерьеров. Последний в Шемонаихинском железнодорожном вокзале. Сделан он, как и другие, изящно, экономно, в излюбленной Морозовым стилизации под русскую старину.

Рядом с ним, огромным и мрачным, точно утес, столь же суровые и уверенные в себе ребята. Такие, конечно, легко отпугнут от себя шоблу заезжих рэкетиров. "У-у, это такие мужики!" - восторженно гудит Борис, имея в виду своих друзей. Возможно, он

преувеличивает. С художниками это случается.

Хорошо у него в доме. Чисто, уютно. Рыжий кот возле электрокамина. На стенах картины. Смотрю на них и неожиданно открываю для себя, что теперь мне ближе его старые работы. Светящиеся тихие пейзажи, ярко-красные натюрморты с яблоками. А эти женщины... Светловолосые с такими сильными упругими телами, но невесомые, точно возносящиеся к свету. Жаль, теперь Морозов занят иными вещами. История Руси, старообрядцы, Сергей Радонежский, а последнее из незаконченных полотен посвящено Человеку с большой буквы. Не скажу, что все это хуже пейзажей. Просто мне сейчас больше нравится то, как тонко он умеет писать природу.

Обедаем вареным в мундирах карто-

фелем, соленой капусткой, салом. Я спрашиваю:

- А как рождается замысел?

- Происходит как бы взрыв, - отвечает Борис. - Как в конденсаторе. Сначала энергия накапливается, а потом внезапный разряд. И тогда я уже не нахожу себе места.

- Но план работы все-таки бывает?

- Никакого плана. Я подхожу к чистому полотну и еще не знаю, что там будет. Но точно знаю, чего не будет: вранья. Все идет отсюда... (показывает на сердце). Здесь моя боль. За народ наш. Я вижу его глаза, его любовь. Вот что хочу написать.

Слушая Морозова, оглядывая его мощную, немного сгорбленную фигуру и это крепкое бородатое лицо, невольно вспоминаешь о мужиках старой допетровской Руси. Там истоки его честной и сильной природы. Его душа сродни душе боярыни Морозовой, женщины верующей и героической.

На вопрос, какой художник Борис Морозов, я отвечаю: религиозный. Верующий. Вера в человека и любовь к Богу - вот те силы, которым он никогда не противится.

На автовокзале в Шемонаихе, за час до отправления автобуса, к нам подкатила одна очень теплая компания, и все бесконечно уважают Морозова. Называют его не иначе как Филиппыч. Помню одного по имени Адриано. Он так и представился, протянув петушком руку:

- Челентано. Можно просто: Адриано...

Через полчаса, когда было выпито все пиво, я заметил, как затосковали глаза художника. И он признался вполголоса:

- Уехать бы... В лес, построить дом. И чтобы один. И чистота.

А.КРАТЕНКО.
Фото С.СМИРНОВА.